

Вадим Радун

11.12.93

ФЕСТИВАЛИ ЭХУШ И СИКИА-

1993 - 11-18 НОЯБР. (нч 45) - с. н.

ТЕАТР. ГОРОД. УЛИЦА

история является уже готовым театром. Однако всего с десяток лет назад театру вполне хватало коробки с кулисами и колосниками для изображения или воскрешения любых событий прошлого.

Ныне изменилось само чувство исторического. Театру оставаться в театре — все равно, что гражданину сидеть дома и чай пить, пока мир переворачивается. На улицах с небывалой силой бушует эта самая, раньше упакованная в учебники или замаскированная спокойными буднями, история. Улица — место магнетическое, а улица, где подобные толчки истории уже когда-то совершались — заряжена магнетизмом вдвое. Театру в театре стало скучно — как и зрителю (хотя, надеюсь, не надолго). Сама по себе идея театра в естественной среде не нова и давно испытана и много прославлена в Европе. Но отечественный вариант имеет отечественное же разрешение. Здесь театр силится превзойти свои собственные возможности, стать чем-то большим, чем театр. Он хочет учить и он хочет правды, тем более, что секреты сценической правды оказались подрастеряны в последнее время. Это и мода, движущая восприимчивыми лицедеями в дни, когда национальные чувства обострены и напряжены. Это и попытка разрешить проблему пустующих залов. Это и бег за жизнью, опасение как бы не отстать, не опоздать, желание вернуть репутацию «кафедры», «набата» любимым путем.

Выборг — не театральный город и по своему облику, по внешнему архитектурному виду — не русский. Над ним выше всех зданий поднимается башня средневекового замка, во дворе которого так живо представляется «Гамлет» или какой-нибудь средневековый миракль. С таким театром Выборг сочетаем. Вадим Радун, главный режиссер псковского драматического театра имени А. Пушкина рискнул и привез сюда другой театр, для которого как воздух необходим колорит кремля, многоглавых церквей и высоких теремов. Среди каменных укреплений, на живописной и заброшенной окраине Выборга Псков поздравлял Выборг с семисотлетием мистерии о Ваньке Каине и исторической поэмой «Сказ о прихожении Стефана Батория на град Псков в году 1581».

Широким показам этих спектаклей на улице предшествовала целая цепь разных событий, домашняя история. Радуну уже давно тесно в уютном, только что прекрасно отремонтированном здании. Несколько лет он рвется из него на волю, на улицу. Первоначально «Мистерия о Ваньке, по прозвищу Каин, московском воре и лихом разбойнике, доносителе и сочинителе» (таково полное ее название) была обыкновенным интерьерным спектаклем. Почему же театр выводит его из театра, почему в Пскове возникает Театр исторической хроники «Карусель?» Почему не только Радун, но другие режиссеры в других городах усердно обожают местные архитектурные достопримечательности и устраивают фестивали уличных исторических зрелищ? Что стоит за всем этим движением, скорее убыльном, чем прибыльным, со случайным зрителем, не умеющим подчас смотреть и видеть?

Можно понять псковича, новгородца или вологжанина — древняя русская архитектура, ее белокаменное величие будит воображение, в котором

ров, декораторов, постановщиков света. Каменные руины, обросшие травой в человеческий рост, с достоинством переносили покушение на свой покой. Люди, актеры, то вознесенные на крепостную стену, то прислоненные к камню, то в страшной пыточной петле свисающие вниз головой, теперь привычные масштабы — они чуть ли не приходили из многовекового далека. Когда одновременно по верху крепостной стены, по земле, вдоль укреплений, в облаках дыма, поднимавшегося кверху и слившегося с мрачными тучами, проходил как бы один человек (то изображался Спаситель), сам кинематограф не постыдился бы такого эффекта. Когда в «Ваньке Каине» по деревянному крестообразному помосту двинулось факельное шествие, для горстки зрителей, выдержавших театральное испытание до конца, этот захватывающий момент искупил и пронизывающий ночной холод, и неудобство сидений, и неурочное время.

В постановках Радуна замысел богаче, ярче, чем воплощение — чужое место, чужой зритель мешали, а бедность — реальная бедность — связывала руки. Ясно, что в эпоху, когда «массовое» всегда сопряжено с техническим прогрессом, уличный спектакль требует его в большей даже степени, чем спектакль закрытый. Никакая серьезная мысль не поразит публику, если ее сценическими атрибутами будут несколько ординарных прожекторов и фонограмма.

Так прекрасные актеры псковской труппы, умелые и выразительные на родной сцене, здесь превращались в миманс — что неизбежно при переносе действия из зала с хорошей акустикой в ночную долину, в сырой воздух, фонограмма тоже неизбежна, но организовать этот миманс в волнующую, красивую живую картину мог только богатый кшелек, а его всегда у театра нет.

В Выборге же Радун показывал «Русалочку» прямо на воде. Для организации этого зрелища ни дирекция, ни Выборг средств и сил не жалели. Радун приехал с целой афишей разнообразных зрелиц. В афише и замыслах был размах, который умерялся всегда в чем-то недостаточном воплощением. Проблема соответствия уличного спектакля мечте и видению режиссера — проблема общая. В разных городах, возле исторических стен разворачиваются постановки, и авторы их убеждаются, что многие надежные условности интерьера театра никак не годятся на улице. Радун, конечно, будет искать дальше — его фантазии нетерпеливы, азартны. Постепенно будет складывать жанр уличной исторической драмы. Впрочем, у нас все возможно: пройдет мода, и кремли останутся в покое. А жаль. Если бы прикопить техники, изготовить художественные костюмы — и опять летней ночью в слепящем свете возникнет удивительное, не похожее на реальность, зато по-настоящему театральное зрелище. И хорошо бы, чтобы Вадим Радун, как и его единомышленники, имел бы где и на что ставить, развивая традиции русского Авильона, Оранжа, Аренды ди Вероны. В Выборге ему очень не хватало настоящей архитектуры, родного фона, своих стен.

Елена ГОРФУНКЕЛЬ.